

Г.Л. Каменский

Сюжет и композиция повести

Современники Платонова, (признанные) одобряемые большевиками писатели М. Шолохов, Л. Леонов, В. Катаев и др., воспевали в своих произведениях достижения бурно строящегося социализма, изображая успехи коллективизации, как в «Поднятой Целине» М. Шолохова или индустриализации, как в «Гидроцентрали» М. Шагинян. В отличие от них, поэтике Платонова было чуждо восторженное описание картин оптимистического строительства и самоотверженного труда. Писателя не привлекала масштабность общих устремлений и задач, его интересовал сам человек и уготованное ему место в разворачивающихся исторических событиях. Именно поэтому повести «Котлован», как и другим произведениям Платонова, свойственно неспешное, вдумчивое развитие действия, а в повествовании нет отвлеченных обобщений. Автор сосредоточен на переживаниях и мыслях героя. Внешние факторы только помогают герою разобраться в самом себе, а заодно и в происходящих событиях, частично облеченных в символическую форму.

Сюжет повести не многосложен и типичен для произведений тех времен, в которых затрагивалась тема коллективизации: раскулачивание с непременными сценами покушения на партийных активистов и отстаивающих свое добро крестьян. Однако Платонов сумел преподнести события повести с точки зрения мыслящего человека:

«—Тебе, Воцев, государство дало лишний час на твою задумчивость — работал восемь, теперь семь, ты бы и жил — молчал! Если все мы сразу задумаемся, то кто действовать будет? — Без думы люди действуют бессмысленно! — произнес Воцев в размышлении».

Воцев после увольнения с завода за то, «что он устраняется с производства вследствие роста слабосильности в нем и задумчивости среди общего темпа труда», попадает в бригаду землекопов, роющих котлован «монументального» пролетарского дома, который «человек построит, а сам расстроится», но зато нужный «для будущего неподвижного счастья и для детства». Чиклин — бригадир землекопов приводит в бригаду осиротевшую девочку Настю, мать которой умерла, потому что «уморилась», и «умирать должны... буржуи». Затем по указанию партии двоих рабочих из бригады направляют в деревню на подмогу местным активистам в проведении коллективизации, где они погибают от рук неизвестных. Однако Чиклин с товарищами доводят «правое дело» до конца: кулаков ликвидируют, сплавливая вместе с семьями на плоту в море. Теперь, по выражению одного из героев, «социализм будет». После чего возвращаются в город и продолжают работы на котловане. Повесть заканчивается смертью Насти, нашедшей последний приют в одной из стен котлована.

Платонов писал:

«Три вещи меня поразили в жизни — дальняя дорога, ветер и любовь. Дальняя дорога — как влечение жизни, ландшафты встречного мира и странничество, полное живого исторического смысла. Ветер — как вестник беспокойной вселенной, веющий в открытое лицо неутомимого путника, ласкающий, как дыхание любимого человека, сопротивляющийся шагу и делающий усталую кровь веселой влагой. Наконец, любовь — язва нашего сердца, делающая нас умными, сильными, странными и замечательными существами».

Все эти мотивы присутствуют в повести, но в своеобразной авторской подаче.

Композиционно текст повести подчинен внутренней точке зрения странника, занимающего пассивную позицию наблюдателя с разных пространственно-временных точек. Сюжет «Котлована» хоть и завязан на мотиве дороги, способствующей, казалось бы, стремительности развития действия, остроте и множественности фабульных и сюжетных

ситуаций, накалу переживаний, однако, автор не воспользовался возможностями сюжета странствий, которыми с успехом пользовались классики литературы. Так, например, у Лермонтова в романе «Герой нашего времени» отправившийся на Кавказ по назначению Печорин в дороге встречается много новых и интересных людей, что позволило автору рассказать о жизни самых разнообразных слоев общества: от контрабандистов до аристократов. Радищеву в «Путешествии из Петербурга в Москву» дорога помогла осветить тяжелую и несправную жизнь крепостных крестьян и произвол помещиков. Герой же Платонова, Вошев, хоть и странник, но традиционный для русской литературы, так как, во-первых, вынужден странствовать, а точнее скитаться (его уволили), во-вторых, он не ищет приключений, его цель — докопаться до истины, до смысла всеобщего существования, а по ночам он «тосковал о будущем, когда все станет общеизвестным и помещенным в скупое чувство счастья». Кроме того, «задумавшись», герой и в дороге не спешит, часто и подолгу останавливается. Дорога, в конце концов, приводит его на котлован, и куда бы он потом ни уходил, автор вновь и вновь возвращает его в котлован — в символическую яму. Жизнь человека будто замкнулась и пошла по кругу, видимо, потому что Вошев «почувствовал сомнение в своей жизни и слабость тела без истины, он не мог дальше трудиться и ступать по дороге, не зная точного устройства всего мира и того, куда надо стремиться».

Событий в повести достаточно много, но можно заметить отсутствие причинно-следственных связей между ними: Чиклин находит и приводит в бригаду девочку, Козлова и Сафронова убивают в деревне, Жачев уходит с котлована к Пашкину. Сюжет развивается не линейно, связь между событиями постоянно нарушается, герои «кружат» вокруг котлована, но каждый из них мечтает вырваться из ямы: «один желал нарастить стаж и уйти учиться, второй ожидал момента для переквалификации, третий же предпочитал пройти в партию и скрыться в руководящем аппарате, — и каждый с усердием рыл землю, постоянно помня эту свою идею спасения».

Композиционно Платонов использует кинематографический метод монтажа совершенно разноплановых эпизодов: тут и медведь-молотобоец, показывающий местных кулаков; и активист, просвещающий деревенских баб в политике; и кулаки, прощающиеся друг с другом перед отправкой на плоту в море. Некоторые сцены вообще кажутся немотивированными и случайными: по ходу действия внезапно всплывают крупным планом незначительные персонажи и также внезапно исчезают. Например, таков эпизод с неизвестным, одетым в одни штаны, которого неожиданно для всех привел в контору Чиклин. Мужчина, «опухший от ветра и горя», требовал вернуть своей деревне найденные в котловане заготовленные впрок гробы. На что Чиклин отвечал, что, действительно, рабочие нашли сто гробов, но два отдали девочке Насте: «в одном гробу... ей постель на будущее время, ...а другой ...ей для игрушек и всякого детского хозяйства: пусть она тоже имеет красный уголок». Елисей, так звали полуголого мужчину, однако, не соглашался с таким разделом, и настаивал на своем: «Куда ж мы своих ребят класть будем! Мы по росту готовили гробы: на них метины есть — кому куда влезать. У нас каждый и живет оттого, что гроб свой имеет: он нам теперь цельное хозяйство!» В конце концов, сговорившись, Елисей вместе с другим мужиком потащили, как бурлаки, связанные один с другим гробы. В диалоге между рабочими и крестьянами удивляет, с какой обыденностью они говорят о смерти, с каким смирением и безысходностью готовят сами себе и своим детям гробы. Гроб у Платонова перестал быть символом страха, превратившись в «постель», в «детскую игрушку», в «цельное хозяйство». Подобная гротескная реальность, по сути, пронизывает всю повесть «Котлован».

Кроме гротеска, Платонов использует также прием аллегии с целью отражения абсурда происходящих событий. Не найдя ни одного персонажа, который мог бы указывать на «зажиточные» крестьянские семейства, писатель выбирает для этой роли медведя, то есть по сути зверя. А если учесть, что в народном фольклоре медведь никогда не

являлся олицетворением зла, то можно говорить о двойной аллегории в платоновской повести.

Сюжет неудавшегося странствия Вощева переплетается с сюжетом провалившегося строительства общепролетарского монументального дома, проект которого изначально был утопичен, так как состоять должен был из «выдуманных частей». Но рабочие верили, что «через год весь местный пролетариат выйдет из мелкоимущественного города и займет для жизни монументальный новый дом. Через десять или двадцать лет другой инженер построит в середине мира башню, куда войдут на вечное, счастливое поселение трудящиеся всей земли». Башня «в середине мира» ассоциируется и с Вавилонской башней, и с хрустальным дворцом из романа Чернышевского «Что делать?», и с размышлениями Ивана Карамазова из романа Достоевского о строительстве здания человеческого счастья, за которое заплачено детскими слезами и кровью. Однако как Вавилонская башня стала могилой для своих строителей, так и котлован общепролетарского дома превратился в могилу для ребенка, ради которого он воздвигался.

Автор уже с первых страниц определяет идею дома: «Так могилы роют, а не дома», — говорит бригадир землекопов. Не строители они, а могильщики — таково мнение автора. И хотя в начале повести «товарищ Пашкин», «председатель окрпрофсовета», утверждает, что «все равно счастье наступит исторически», к концу повествования становится ясно, что надежды на обретение смысла жизни в будущем нет, потому что настоящее строится на смерти ребенка, да и взрослые работали на котловане с таким упорством, «будто хотели спастись навеки в пропасти котлована». «Я теперь ни во что не верю!» — таков смысловой и закономерный итог завершения строительства утопического пролетарского дома. «Тускнеет идея дома, о нем забывают и строители...», — пишет исследователь творчества Платонова Э. Маркштайн.

После прочтения повесть оставляет тяжелый осадок на душе, и в то же время чувствуется, что автор, как настоящий писатель-гуманист, пишет с любовью, с сожалением и глубоким состраданием ко всем своим героям, по судьбам которых прошла бескомпромиссная и беспощадная машина власти, пытавшаяся превратить каждого в исполнительно-послушного безбожного механического раба.